

Прогрессъ и преображеніе.*)

Сто лѣтъ назадъ дрогораль костеръ европейскаго пожара и тогда начала существовать Московская Духовная Академія. Зарево новаго, еще болѣе ужаснаго, европейскаго пожара освѣщаетъ ея столѣтній юбилей. Противъ кого воевала наша Россія тогда, это лѣтъ назадъ? Противъ Франціи, противъ «просвѣщенной» передовой Франціи. Тогда нашимъ врагомъ была страна, только что пережившая вѣкъ просвѣщенія, Вольтера, революцію, страна, провозгласившая великия принципы свободы, равенства и братства, и изобрѣтшая гильотину для проведения въ жизнь этихъ высокихъ принциповъ. Теперь мы воюемъ съ Германіей. Но не Германія - ли за послѣднее время идетъ во главѣ европейской культуры и прогресса? Несомнѣнно она. По пути прогресса она безспорно далеко опередила всѣхъ. Русскій человѣкъ въ Германіи невольно изумляется тому, какъ много можно сдѣлать для удобства жизни земной. Въ сознаніи невольно мелькаетъ мысль: «какъ далеко мы отстали!». Я самъ испыталъ это, проѣзжая Германію отъ Торна до Кёльна и Аахена. «Во всемъ, касающемся земного устроенія, Германія занимаетъ первое мѣсто, играетъ роль школы цивилизаціи, ей принадлежитъ сейчасъ культурная гегемонія, ибо вся современная фабрично-капиталистическая и научно-идеалистическая культура, до извѣстной степени, «made in Germany», носить на себѣ печать германскаго духа»¹⁾.

*) Вступительная лекція рѣчъ, сказанная въ академической аудиторії 3-го сентября 1914 года.

¹⁾ Проф. С. Н. Булгаковъ. Три идеи. Русская Мысль. 1913, февраль, стр. 146.

Что же это за судьба Россіи вести войны противъ передовыхъ и культурнѣйшихъ человѣческихъ обществъ? Что такое мы, русскіе,—разрушители или спасители европейской культуры? Я думаю, что нашъ разладъ, наше противорѣчие съ Европой лежитъ глубже наблюданої поверхности текущихъ событий; противорѣчие касается идеиныхъ основъ самаго жизнепониманія.

Тѣ культурные успѣхи, которыхъ достигли наши просвѣщенные противники, конечно, возможны только при томъ условіи, если на достижениѳ этихъ успѣховъ обращена наибольшая доля народнаго вниманія. Культурный прогрессъ для своего процвѣтанія непремѣнно требуетъ полнаго предъ нимъ рабства со стороны человѣческаго общества. Культурный прогрессъ достигается скорѣе тѣми, для кого онъ сталъ своего рода идоломъ. И то, конечно, несомнѣнно, что для европейскаго сознанія прогрессъ уже давно сдѣлался не идеаломъ только, но именно идоломъ. Вѣдь, слова: «культура», «прогрессъ» и имъ подобныя современнымъ европейцемъ и нашими западниками произносятся прямо съ какимъ-то благоговѣніемъ; для нихъ это—слова священныя. Каждое слово противъ цѣнности культуры готовы объявить кощунствомъ. Еретику, сомнѣвающемуся въ цѣнности прогресса или совсѣмъ этой цѣнности не признающему, грозитъ побеніе всякимъ дрекольемъ.

Но не трудно показать, что прогрессъ и идеино, и практически неразрывно связанъ съ войной и съ нѣкотораго рода необходимостью изъ него вытекаютъ даже жестокости и звѣрства нѣмцевъ, о которыхъ мы читаемъ теперь въ газетахъ. Вѣдь, идея прогресса есть приспособленіе къ человѣческой жизни общаго принципа эволюціи, а эволюціонная теорія есть узаконеніе борьбы за существованіе. Въ борьбѣ за существованіе погибаютъ слабѣйшіе и выживаютъ наиболѣе къ ней приспособленные. Перенесите борьбу за существованіе во взаимныя отношенія цѣлыхъ народовъ,—вы получите войну и поймете смыслъ желѣзного германскаго кулака. Война есть международная борьба за существованіе, а вооруженный кулакъ—наилучшее къ этой борьбѣ приспособленіе. Но послѣднее слово эволюціи сказано, вѣдь, Ницше. Онъ указалъ цѣль дальнѣйшему развитію. Эта цѣль—сверхчеловѣкъ. По трупамъ слабыхъ восходитъ на свою высоту

сверхчеловѣкъ. Онъ жестокъ и безжалостенъ. Христіанство съ его кротостью, смиренiemъ, прощенiemъ и милосердiemъ для Ницше отвратительно. Сверхчеловѣкъ долженъ навсегда порвать съ христіанскими добродѣтелями; для него онъ—порокъ и погибель. У Горькаго Игнать Гордѣевъ поучаетъ въ ницшеанскомъ духѣ своего сына Фому, какъ относиться къ людямъ: «Тутъ... такое дѣло: упали, скажемъ, двѣ доски въ грязь — одна гнилая, а другая—хорошая, здорова доска. Что ты тутъ долженъ сдѣлать? Въ гнилой доскѣ—какой прокъ? Ты оставь ее, пускай въ грязи лежитъ, по ней пройти можно, чтобы ногъ не замарать» («Фома Гордѣевъ»). Перенесите вы эти слова въ политику, и вы получите политику Германіи. Вѣдь, развѣ не ищетъ Германія, какой бы народъ затоптать въ грязь, по которому пройти бы можно, «чтобы ногъ не замарать»? Германская политика, можно сказать, проникнута духомъ ницшеанства. «Deutschland, Deutschland über alles!»—вотъ припѣвъ германского патріотизма. Слабые народы это—доски, по которымъ, не маючи ногъ, идетъ впередъ по пути прогресса великий германский народъ. Даже на большіе народы, даже на русскій народъ германцы готовы смотрѣть какъ на навозъ для удобренія той почвы, на которой должны рости и процвѣтать германский культурный прогрессъ. Для прогресса нужны богатства,—такъ подайте ихъ намъ! Разоритесь сами и хоть съ голоду помрете, но да здравствуетъ нашъ германскій прогрессъ! Смотрите, какая политическая дружба у просвѣщенной Германіи ужъ съ несомнѣнными варварами—турками! «Возстановившимъ истинное христіанство» протестантамъ магометане, оказывается, несравненно милѣе православныхъ христіанъ. Почему? Да потому, что тѣ ужъ не протестуютъ противъ грабительства нѣмцевъ и покорно готовы стать народомъ - навозомъ. Въ прошломъ году воевали на Балканахъ. Какое бы, казалось, дѣло нѣмцамъ! Но когда особенно сильно замахали нѣмцы мечемъ? Когда сербы подошли къ Адріатическому морю. Маленький народъ получалъ возможность вести свою торговлю и стать независимымъ отъ нѣмцевъ экономически. Этого прогрессивная нѣмецкая нація снести не могла. Нѣмецкое бряцаніе мечемъ въ этомъ случаѣ можно передать словами: «Не смѣть! Вы должны работать, а обогащаться можемъ только мы, по-

тому что это необходимо для культурнаго процвѣтанія нашей подлинно-просвѣщенной страны». И вотъ теперь запылала Европа, подожженная нѣмцами!

Такъ открывается неразрывная и существенная связь прогресса съ войной и жестокостью. Желѣзо и мечъ проекладываютъ человѣчеству дорогу впередъ. Колесница прогрессаѣдетъ по трупамъ и оставляетъ позади себя кровавый слѣдъ.

Война это—лучшій показатель внутренняго существа культурнаго прогресса и въ этомъ внутреннемъ существѣ прогресса открывается ужасная трагедія. Что въ самомъ дѣлѣ прогрессируетъ быстрѣе всего? Несравненно быстрѣе культурныхъ удобствъ жизни прогрессируютъ орудія войны, т. е. орудія уничтоженія и человѣческой культуры, и самой человѣческой жизни. Броненосецъ старѣеть гораздо скорѣе человѣка: имъ двадцать лѣтъ отъ роду, броненосецъ ужъ негодный стариkъ. Такъ быстро идетъ совершенствованіе орудій смерти! Десять лѣтъ назадъ мы еще не знали слова «аэропланъ», а теперь уже читаемъ о войнѣ въ воздухѣ. Жизнь еще не получила пользы отъ аэроплановъ, а смерть безъ нихъ ужъ не можетъ обойтись на кровавыхъ поляхъ браніи. Страшно вообразить себѣ современную войну съ ея ужасными орудіями и громадными снарядами, съ минами и фугасами, съ бомбами и шрапнелями, съ волчьими ямами и проволочными загражденіями. Вѣдь это же какой-то адъ и безуміе! Войны недавно прошлаго столѣтія порою кажутся дѣтскими забавами. Это—прогрессъ! Поэтому и можемъ мы сказать, что *война это—самопроклятие прогресса!*

Но русскій геній выносить суровый приговоръ европейской цивилизациіи и прогрессу со своей особенной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія своего идеала, существенно отличнаго отъ европейскаго идеала прогресса. Въ турецкую войну Достоевскій писалъ въ своемъ «дневникѣ»: «Между привезенными въ Москву славянскими дѣтьми есть одинъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ восьми или девяти, которая часто падаетъ въ обморокъ и за которую особенно ухаживаютъ. Падаетъ она въ обморокъ отъ воспоминанія: она сама, своими глазами, видѣла нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ съ отца ея сдирали черкесы кожу и—садрали всю. Это воспоминаніе при ней неотступно и, вѣроятнѣе всего, останется навсегда, можетъ быть, съ годами въ смягченномъ видѣ, хотя, впрочемъ, не

знаю, можетъ ли тутъ быть смягченный видъ. О, цивилизациѣ! О, Европа, которая столь пострадаетъ въ своихъ интересахъ, если серьезно запретить туркамъ сдирать кожу съ отцовъ въ глазахъ ихъ дѣтей! Эти, столь высшіе интересы европейской цивилизациї, конечно,—торговля, мореплаваніе, рынки, фабрики—что можетъ быть выше въ глазахъ Европы? Это такие интересы, до которыхъ и дотронуться даже не позволяетъ не только пальцемъ, но даже мыслю, по... но «да будутъ они прокляты, эти интересы европейской цивилизациї!» Я за честь считаю присоединиться къ этому восклицанію; да, да будутъ прокляты эти интересы цивилизациї, и даже самая цивилизациꙗ, если, для сохраненія ея, необходимо сдирать съ людей кожу. Но однакоже это фактъ: для сохраненія ея необходимо сдирать съ людей кожу!»¹⁾. Вотъ съ чѣмъ не можетъ примириться русская совѣсть! Кожа человѣка, хотя бы и маленькаго и ничтожнаго, для русской совѣсти дороже самыхъ грандіозныхъ успѣховъ прогресса. Видѣть русская совѣсть, что для успѣха цивилизациї необходимо сдирать съ людей кожу,—и не можетъ успокоиться никакими рѣчами о культурѣ и прогрессѣ. Это потому, конечно, что русская совѣсть имѣть свой идеаль, существенно отличный отъ европейскаго идола прогресса.

Гдѣ же и въ чѣмъ этотъ идеаль? Вмѣстѣ со старыми славянофилами мы можемъ утверждать, что духъ славянства опредѣляется православіемъ. Жизненный идеаль славянства есть религіозный идеаль православія.

Но въ чѣмъ религіозный идеаль православія? *Идеалъ православія есть не прогрессъ, но преображеніе.* О преображеніи человѣческаго естества говорить Новый Завѣтъ. О новомъ рождениіи говорилъ Христосъ Никодиму. По слову ап. Павла, кто во Христѣ, туть новая тварь (2 Кор. 5, 17). Люди должны носить образъ Адама небеснаго (1 Кор. 15, 49). Отъ славы въ славу преображаются они отъ Духа Господня (2 Кор. 3, 18). Происходитъ облеченіе въ нового человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины (Еф. 4, 24). «Будеть новое небо и новая земля!»—говорилъ Господь устами древняго пророка (Исаія 65, 17). Нового неба и новой

¹⁾ Дневникъ писателя за 1877 г. Собрание сочиненій, изд. 4. т. 11. СПБ. 1891, стр. 45—46.

земли христіане ожидаютъ по слову ап. Петра (2 Петр. 3, 13). А пророкъ Новаго Завѣта говоритъ: «увидѣлъ я новое небо и новую землю; ибо прежнєе небо и прежняя земля миновали. И я, Іоаннъ, увидѣлъ святый городъ Іерусалимъ, новый, сходящій отъ Бога съ неба, приготовленный какъ не вѣста, украшенная для мужа своего. И услышалъ я громкій голосъ съ неба, говорящій: се, скинія Бога съ человѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ: и Самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ. И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ; ибо прежнєе прошло» (Апок. 21, 1 — 4). Процессъ преображенія человѣческаго естества и твари земной будеть развиваться неизмѣнно и неуклонно, пока не скажетъ Сидящій на престолѣ: «се, творю все новое! Совершилось! Я есмь Алфа и Омега» (Апок. 21, 5 — 6). Нѣкогда все покорится Сыну, и тогда Самъ Сынъ покорится покорившему все Ему, да будетъ Богъ все во всемъ (1 Кор. 15, 28). Новый Завѣтъ не знаетъ прогресса въ европейскомъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ движенія впередъ въ одной и той же плоскости. Новый Завѣтъ говоритъ о преображеніи естества и о движеніи велѣдствіе этого не впередъ, а вверхъ, къ небу, къ Богу. Въ своемъ краткомъ итогѣ Новый Завѣтъ гласить: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (Мѳ. 5, 48).

Идеаломъ преображенія жило древнєе христіанство. Прочтите христіанскія писанія первыхъ двухъ вѣковъ,—и вы увидите, какъ проникнуты они этой идеей новаго человѣка. «Мы новый народъ!»—смѣло говорять христіане даже предъ лицемъ языческаго міра. Христіанинъ—новый, какъ бы только что родившійся человѣкъ¹⁾. Христіанство, по мысли св. Игнатія Богоносца, есть *οὐκονία εἰς τὸν καινὸν ἀνθρώπον*²⁾. Христіане возносятся на высоту орудіемъ Іисуза Христа, которое есть крестъ, пользуясь вервію—Духомъ Святымъ. Вѣра ихъ возводитъ, а любовь есть путь, которымъ они восходятъ. Поэтому христіане все—Богоносы и храмоносы, христоносы, святоносы³⁾. Такъ повсюду эта идея

¹⁾ Посланіе къ Діогнету, гл. 2.

²⁾ Посл. къ Ефес. гл. 20,

³⁾ Къ Ефес. гл. 9, 1—2.

новаго человѣка, не прогрессивнаго, а новаго; всюду идеалъ внутренняго преображенія, а не внѣшняго прогресса.

Въ періодъ расцвѣта богословской церковной мысли въ церковномъ богословіи существенное значеніе получаетъ идея обоженія, которую вы найдете у всѣхъ величайшихъ богослововъ Церкви, начиная съ IV вѣка. Эта идея опять ставить предъ христіанскимъ сознаніемъ какъ цѣль преображеніе, а не прогрессъ.

Наконецъ, идея обоженія и преображенія навсегда утвердилась въ церковномъ богослуженіи. Наше богослуженіе—не слашаво - сантиментальное завываніе самодовольного буржуя - протестанта въ своей кирхѣ, не боязливая просьба несчастнаго католика о пощадѣ и помилованіи,—наше богослуженіе—гимнъ человѣка изъ тьмы и сѣни смертной, изъ глубокой бездны грѣховной порывающагося къ святости, къ чистотѣ, къ Богу и къ небу, на гору преображенія. Православная Церковь поетъ: «Во всего Адама облекся, Христе, очернѣвшее измѣнивъ, просвѣтиль еси древле естество, и измѣненіемъ зрака Твоего богосодѣлалъ еси»¹⁾. Въ воплощеніи Сына Божія усматриваетъ Церковь основу и залогъ преображенія и всего естества человѣческаго, а потому и приглашаетъ своихъ чадъ: «Востаните лѣниви, иже всегда низу поникши въ землю, возмитеся и возвыситеся на высоту божественнаго восхожденія»²⁾.

Итакъ, идеалъ православія есть преображеніе, а не прогрессъ. Не въ материальномъ хотя бы и самомъ блестящемъ, прогрессѣ усматриваетъ свое спасеніе православное сознаніе, но съ Ареопагитомъ исповѣдуется, что «спасеніе не иначе можетъ быть совершено, какъ чрезъ обоженіе спасаемыхъ. Обоженіе же есть уподобленіе, по мѣрѣ возможности, Богу и единеніе съ Нимъ»³⁾.

При ихъ проведеніи въ жизнь идеалы прогресса и преображенія, конечно, оказываются весьма различными. Ихъ различие и даже порою полная противоположность обнаруживается въ кульѣ. Въ кульѣ, говорю, потому что и эволюціонно-позитивное міровоззрѣніе европейскихъ народовъ пы-

¹⁾ На Преображеніе Господне канона Космы пѣснь 3, троп. 1.

²⁾ Икось на Преображеніе.

³⁾ О небесной іерархіи, I, 3.

тается порою создавать свой собственный культь. Европеецъ преклонялъ колѣна предъ богиней разума, потомъ предъ человѣчествомъ, вписывалъ въ свои святыи имена великихъ людей. Въ Парижѣ нѣкогда христіанскій храмъ былъ обращенъ въ Пантонъ, гдѣ и теперь въ довольно таки неприятельскомъ и запущенномъ подземельѣ хранится давно истѣвшій прахъ Руссо, Вольтера и разныхъ дѣятелей «великой» французской революціи. По всѣмъ нѣмецкимъ городамъ едва не на каждомъ перекресткѣ то просто стоять, то сидѣть на конѣ фигуры Фридриховъ, Вильгельмовъ или Бисмарка. Все это—прегорды фараоны прогресса, славные завоеватели, творцы великихъ культурныхъ событій. Но загляните въ православные церковные святыи. Тамъ тоже увидите великихъ и прославляемыхъ. Но кто изображенъ на тѣхъ иконахъ, вокругъ которыхъ мы совершаємъ кажденіе, предъ которыми мы поемъ величаніе и которыя мы, сотворивъ земное поклоненіе, благоговѣйно лобызаемъ? Здѣсь изображены преимущественно отшельники, пустынники. Они не только не были дѣятелями прогресса, но почти всегда принципиально его отрицали. За то они, живя на землѣ, преображались, часто сіяли європейскимъ свѣтомъ и на молитвѣ возносились отъ земли на воздухъ. Церковь остается вѣрна своему идеалу преображенія, и въ вѣкъ пара, электричества и авиаціи канопизуетъ смиренныхъ и некультурныхъ подвижниковъ. За послѣднее время и у насъ навязываются народу разные монументы. Плохо понятны они народу, потому что православное сознаніе понимаетъ одинъ памятникъ—храмъ, посвященный имени святаго, а не великаго только.

Я уже сказалъ, что идеаломъ православія опредѣляется духъ славянства, въ частности духъ великаго народа русскаго. Воспитанный главнымъ образомъ православной Церковью, русскій народъ въ своемъ сознаніи всегда носить высокій идеалъ преображенія и при свѣтѣ этого идеала западно-европейскій идеалъ прогресса кажется чѣмъ-то пискимъ, а иногда даже противнымъ. Вотъ почему при всѣмъ своемъ смиреніи русскій народъ всегда относится къ европейцу свысока. Предъ Западомъ готова вѣдь работѣнно пресмыкаться только оторвавшаяся отъ народа интеллигенція. У русскаго же народа всегда пѣсколько скептическое отно-

шеніе къ западно-европейскому прогрессу. Ему ясно и понятно, что за чечевичную похлебку культурной жизни европеецъ продалъ невозвратно права божественнаго первородства. Нѣмецъ душу черту продалъ, а русскій таکъ отдалъ и въ этомъ несомнѣнное превосходство русскаго, потому что онъ таکъ же и уйти оть черта можетъ, а нѣмцу выкупиться нечѣмъ.

Вся культурная и политическая дѣятельность русскому кажется только подѣлемъ, на которое грѣшно отдать свою душу цѣликомъ. Интересы преображенія для него несравненно выше интересовъ прогресса. Даже Пушкинъ однажды слагаетъ такие стихи:

Недорого цѣнию я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участіи оспаривать науки,
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать ;
И мало горя мнѣ—свободно ли печать
Морочить олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняеть балагура.
Все это, видите-ль, слова, слова, слова !..
Иныя, лучшія мнѣ дороги права ;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все-ли иамъ равно?.. Богъ съ иими!
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И передъ созданіями искусствъ и вдохновенія
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! Вотъ права!

Совершенно наоборотъ, европеецъ очень высоко цѣнитъ всякия громкія права, касающіяся жизни земной. Восторги же умиленья для него—излишняя роскошь; мало у него тоски по надзвѣзднымъ мірамъ. Отсюда дешевый душевный покой европейца и его поразительное самодовольство. Русскому это самодовольство противно. Не напрасно даже такой западникъ, какъ Герценъ, назвалъ его мѣщанствомъ, а нашъ византіецъ Константина Леонтьева не могъ объ этомъ мѣщанствѣ говорить безъ отвращенія.

Русскій не можетъ стать европейцемъ, ограниченнымъ и самодовольнымъ, потому что «русскому, по словамъ Достоевскаго, необходимо всемирное счастье, чтобы успокоиться; де-

шевле онъ не примирится¹⁾). Отбившись отъ народной вѣры и жизни—что стало случаться послѣ Петровскаго окна въ Европу—, русскій дѣлается скитальцемъ. Этотъ типъ скитальца, по толкованію Достоевскаго, впервые въ литературѣ указалъ Пушкинъ, у котораго Алеко бѣжитъ къ цыганамъ. Такими искателями и скитальцами полна русская литература до послѣднихъ дней. Но еще у Пушкина полуидиотъ цыганъ поучаетъ европейца:

Оставь насть, гордый человѣкъ!
Ты для себя лишь хочешь воли.
Ты золь и смѣль—оставь же насть.

Это поученіе цыгана раскрываетъ въ своей пушкинской рѣчи Достоевскій. «Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ. Не вѣй тебя правда, а въ тебѣ самомъ, найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не вѣй тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя,—и станешь свободенъ какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его»²⁾.

Чѣмъ дальше отъ народа и православія, тѣмъ больше у насть скитаній и блужданій. Много въ богоискательствѣ послѣднихъ лѣтъ уродливаго, но и богоискательство—все же признакъ того, что не спокойно на душѣ у русскаго человѣка, нѣть европейскаго самодовольства. Народъ же ищетъ праведной земли и рѣзко протестуетъ противъ того, что этой земли не показано на картѣ ученыхъ. Безъ надежды на возможность преображенія печальной и грѣховной дѣйствительности для русскаго нѣть смысла въ жизни. У Горькаго Лука («На днѣ». Акты третій.) разсказываетъ: «Быть примѣрно такой случай: зналь я одного человѣка, который въ праведную землю вѣрилъ... Должна, говорилъ, быть на свѣтѣ пра-

¹⁾ Пушкинская рѣчь. Диевникъ писателя за 1880 г. Сочиненій т. 11, стр. 436.

²⁾ Тамъ же, стр. 437—438.

ведная земля... въ той, дескать, землѣ,—особые люди насе-
ляютъ... хорошие люди! другъ дружку они уважаютъ, другъ
дружку—за всяко-просто—помогаютъ... и все у нихъ слав-
но—хорошо! И вотъ человѣкъ все собирался итти... правед-
ную эту землю искать. Былъ онъ—бѣдный, жиль—плохо...
и когда приходилось ему такъ ужъ трудно, что хоть ложись,
да помирай—духа онъ не терялъ, а все, бывало, усмѣхался
только да высказывалъ: ничего! потерплю! Еще нѣсколько
пожду, а потомъ—брошу всю эту жизнь и—уйду въ пра-
ведную землю... Одна у него радость была—земля эта... И
вотъ въ это мѣсто—въ Сибири дѣло-то было,—прислали
ссыльного, ученаго... съ книгами, съ планами онъ, ученый-
то, и со всякими штуками... Человѣкъ и говорить ученому:
покажи ты мнѣ, сдѣлай милость, гдѣ лежитъ праведная зе-
мля и какъ туда дорога? Сейчасъ это ученый книги рас-
крылъ, планы разложилъ... глядѣлъ - глядѣлъ—нѣгдѣ
праведной земли! Все вѣрно, всѣ земли показаны, а правед-
ной—нѣть! Человѣкъ — не вѣритъ... Должна, говорить,
быть... ищи лучше... А то, говорить, книги и планы твои—
ни къ чему, если праведной земли нѣть... Ученый въ обиду.
Мои, говоритъ, планы самые вѣрные, а праведной земли
вовсе нигдѣ нѣть. Ну, тутъ и человѣкъ разсердился—какъ
такъ? Жиль-жиль, терпѣль-терпѣль, и все вѣрилъ—есть!
а по планамъ выходитъ—нѣту! Грабежъ!.. И говоритъ онъ
ученому: ахъ, ты... сволочь эдакой! Подлецъ ты, а не ученый...
да въ ухо ему—разъ! Да еще!.. А послѣ того пошелъ
домой и—удавился!»

По этому представлению и наука должна служить не про-
грессу, но преображенію; должна она показывать путь въ
праведную землю. И на самомъ дѣлѣ, русская философія—
философія религіозная. Европейцы невольно изумляются то-
му, что наша литература неизмѣнно живеть интересами ре-
лигіозными. У насъ великий художникъ слова начинаетъ
вечерами на хуторѣ близь Диканьки», а оканчиваетъ «раз-
мышленіемъ о Божественной литургії». Вмѣстѣ съ тѣмъ для
нашей литературы высшая цѣнность—душа человѣка, а не
внѣшнее его положеніе въ водоворотѣ культурной работы.
Русскій писатель вѣрить въ осуществимость идеала пре-
ображенія, въ торжество добра и правды, почему и нѣть
для него погибшихъ, нѣть для него гнилыхъ досокъ, кото-

рыя только затѣмъ и существуютъ, чтобы по нимъ ходили
черезъ грязь, не маю ногъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрая я лирой пробуждалъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Такъ писаль Пушкинъ, а Достоевскій повель нась въ «мертвый домъ» и заставилъ плакать отъ умиленія предъ красотой даже преступной души, показаль намъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» и увидѣли мы богатство ихъ душ; у него убийца и блудница читаются о воскрешеніи Лазаря: онъ потрясаетъ насть образами Сони Мармеладовой въ «Преступлени и наказаніи», Грушеньки въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», Настасьи Филипповны въ «Идіотѣ». У него «преступлени» обращается въ «исторію постепенного обновленія человѣка, исторію постепенного перерожденія его, постепенного перехода изъ одного міра въ другой» («Преступлени и наказаніе», конецъ). Даже невѣрующій, какъ рационалистъ, въ Христово воскресеніе, какъ художникъ, Толстой пишетъ о нравственномъ «воскресеніи» человѣка. Всюду мы видимъ стремленіе къ преображенію и вѣру въ его возможность. «Всеобщее исцѣленіе во всеобщемъ преобразженіи—въ разныхъ, видоизмѣненіяхъ мы находимъ эту мысль у великихъ нашихъ художниковъ, у Гоголя, Достоевскаго, даже хотя и въ искаженномъ, рационализированномъ видѣ—у Толстого, а изъ мыслителей—у славянофиловъ, у Федорова, у Соловьева и у многихъ продолжателей поэлѣдняго»¹⁾. У насть въ 1914 году въ Москвѣ русскій князь и профессоръ университета въ многолюдномъ собраніи читаетъ о «свѣтѣ Фаворскомъ и о преображеніи ума». У насть и легкомысленный и далеко не безгрѣшный поэтъ въ дивные стихи облекаетъ покаянную молитву преп. Ефрема Сирина и признается:

Всѣхъ чаще миѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжить невѣдомою силой.

Почему такъ? Да потому, конечно, что русской душѣ всегда понятна, близка и дорога путь всѣхъ сирійскихъ и еги-

¹⁾ Кн. Е. Н. Трубецкой. Свѣтъ Фаворский и преображеніе ума. Русская Мысль. 1914. чай, стр. 27.

петскихъ аскетовъ-подвижниковъ; эта цѣль—«сердцемъ воз-
летать во области заочны».

Но на этомъ пути «во области заочны» лежитъ постоянное
и не легкое препятствіе.

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ—
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.

Грѣхъ—вотъ самый главный врагъ преображенія. Отсюда у носителя идеала преображенія особое религіозное ощущеніе грѣха. Религіозное ощущеніе грѣха есть душевная мука и страданіе. Это та мука душевной раздвоенности, которую такъ ярко описалъ ап. Павелъ въ посланіи къ римлянамъ. Въ воспріятіи и переживаніи грѣха и сказывается особенно ярко духовное превосходство русского предъ европейцемъ. Европеецъ, можно сказать, потерялъ религіозное ощущеніе грѣха; оно кажется ему устарѣлымъ средневѣковымъ предразсудкомъ. Вотъ почему грѣхъ пересталъ быть для него ужасомъ и мукой душевной. Грѣхъ обратился для европейца въ веселый анекдотъ. Описывая грѣхъ, европеецъ смеется, а иногда и самый грѣхъ облекаетъ въ столь эстетически-прекрасныя одежды, что грѣхъ начинаетъ быть привлекательнымъ. Конечно, грѣшать и въ Россіи, какъ и въ Европѣ, не мало, но каются по разному. Западъ знаетъ «холодное невѣріе». Русскій, по словамъ Герцена, потерявъ вѣру, тотчасъувѣрюетъ въ невѣріе и станетъ его самоутверженнымъ апостоломъ. Въ Европѣ Ренанъ, Штраусъ и Древсь пишутъ хулы на Христа легко, свободно и красиво, и какъ ни въ чемъ не бывало доживаются свой вѣкъ спокойными буржуа. Тамъ во время публичныхъ диспутовъ на эстрадѣ рѣшаютъ вопросъ объ историческомъ существованіи Христа, а сами въ это время кушаютъ бутерброды и пьютъ пиво ¹⁾). Европейскій Іуда, предавъ Христа, спокойно прячетъ сребренники въ карманъ и обращаетъ ихъ потомъ въ доходную ренту. Русскій же Іуда, предавъ Христа, бросаетъ сребренники и беспокойнымъ взоромъ ищетъ дерева, чтобы удавиться. Невѣріе для русскаго есть ужасъ и душевный надрывъ. У До-

¹⁾ См. свѧт. Н. Сахаровъ. Союзъ монистовъ и борьба съ нимъ въ Германіи. Богословскій Вѣстникъ. 1911, т. 3, стр. 717.

стоевской даже каторжники кричать Раскольникову: «Ты— безбожникъ! Ты въ Бога не вѣруешь! Убить тебя надо!»

При этомъ одинъ каторжный бросился было на него въ рѣшительномъ изступлениі 1).

А какъ наши писатели изображаютъ порокъ и преступленіе! Я затрудняюсь назвать изъ русскихъ писателей кого-нибудь, кто изображалъ бы порокъ въ привлекательномъ свѣтѣ. Порочные люди въ изображеніи нашихъ писателей до самыхъ новѣйшихъ, до Куприна и Арцыбашева включительно,—люди несчастные, страдающіе; они ощущаютъ настоящій адъ въ своей душѣ. Грѣховное человѣчество въ изображеніи нашихъ писателей лютъ страждеть и злѣ бѣснуется, ввергается многажды въ огонь и въ воду. Для нашихъ писателей грѣхъ есть «тьма», «бездна», «яма» и «у послѣдней черты», по ихъ представлѣнію,—страданіе, ужасъ и отчаяніе. Для русской души нѣтъ счастья и радости во грѣхѣ; она страдаетъ отъ грѣха, потому что стремится къ преображенію, а грѣхъ мѣшаетъ не прогрессу, но преображенію. Веселыя пѣсни земли, восторженные гимны прогрессу не могутъ замѣнить для русской души прекрасныхъ звуковъ небесъ; знаетъ и понимаетъ она, что небесная пѣсня не слагается изъ грохота машинъ и треска орудій и что ноты этой пѣсни не въ чертежахъ и смѣтахъ инженеровъ.

Итакъ, если идеалъ Запада—прогрессъ, то русскій народный идеалъ—преображеніе. Русскій народъ стремится къ городу, котораго строитель и художникъ—Богъ (Евр. 11, 10). и можетъ сказать съ Апостоломъ: вышній Іерусалимъ свободенъ; онъ—матерь всѣмъ намъ (Гал. 4, 26).

Развертывающаяся предъ нами великая борьба народовъ есть борьба двухъ идеаловъ: прогрессъ хочетъ уничтожить преображеніе, забывая слово Христа о томъ, что врата ада не одолѣютъ истины.

Въ исторіи Московской Духовной Академіи мы стоимъ на грани двухъ столѣтій и намъ весьма полезно, хотя бы подъ давленіемъ грандиозныхъ событий, напомнить себѣ религіозный идеалъ православія и жизненный идеалъ русского народа. Намъ нѣтъ особенной нужды подсчитывать, что сдѣлала наша родная духовная школа для материальнаго про-

1) Сочиненій т. 5. Спб. 1894, стр. 541.

гресса. Лучше подумать о томъ, что она сдѣлала для духовнаго преображенія нашего родного православнаго народа. А вступая въ второе столѣтіе родной и дорогой Академіи, будемъ каждый имѣть въ качествѣ руководящаго свѣточнаго напѣ русскій идеалъ преображенія, чтобы, когда придетъ время трудиться на нивѣ народной, не подавать жесткаго европейскаго камня тому, кто просить настоящаго русскаго хлѣба.

Архимандритъ Иларіонъ.
